

В четыре часа утра луна скрылась за темными тучами, и, пока мир еще спал, над горным храмом поплыл непрерывный гул колокола — глубокий, протяжный, проникающий в самую душу.

Лампы, погасшие ночью из-за отключения электричества, с первыми ударами колокола вспыхнули вновь, ослепляя белым светом. Цзян Чжаосюэ проснулась от шума, сонно потирая глаза. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, где она находится.

Должно быть, пришло время утренней службы.

Она села на кровати, потирая виски, и тут с ее плеч что-то белое соскользнуло на пол. Цзян Чжаосюэ, не успев среагировать, машинально протянула руку и прижала ткань.

На ощупь вещь оказалась мягкой и легкой. Приглядевшись, она поняла, что это белая пуховая куртка.

Цзян Чжаосюэ замерла и невольно перевела взгляд на соседнюю кровать, где спала Цэнь Лубай.

Та уже давно проснулась и сидела, прислонившись к изголовью, накинув на плечи пиджак. Она с легкой усмешкой наблюдала за суетой Цзян Чжаосюэ.

Заметив недоумение в глазах девушки, Цэнь Лубай приподняла уголки губ и небрежно произнесла:

— Проснулась среди ночи и увидела, что ты свернулась калачиком. Решила, что тебе, должно быть, холодно.

Лицо Цзян Чжаосюэ слегка порозовело. Ей стало одновременно тепло на душе и немного неловко.

— Спасибо.

Заметив планшет в руках Цэнь Лубай, заполненный разноцветными графиками, она обеспокоенно спросила:

— Ты не спала?

Цэнь Лубай покачала головой:

— Нет, я проснулась чуть раньше тебя. Возникло срочное дело по работе.

Цзян Чжаосюэ кивнула, соблюдая дистанцию, и больше не стала расспрашивать. Она молча надела верхнюю одежду. Снаружи доносился скрип дверей и торопливый топот ног — шум

нарастал. Вспомнив о чем-то, она спросила:

— Пойдем вместе?

Цэнь Лубай ответила:

— Нет, Лянь Синь и так настрадалась из-за Цэнь Яо, я останусь здесь.

Цзян Чжаосюэ не возражала:

— Хорошо.

Больше не говоря ни слова, она переделась, взяла туалетные принадлежности и, попрощавшись, вышла.

Снег у храма перестал идти, но воздух оставался пронзительно холодным. Ветер окончательно разогнал остатки сна. Цзян Чжаосюэ, дрожа от холода, направилась к заднему двору, где были умывальники, и только сейчас запоздало подумала: если Цэнь Лубай тоже должна поститься, почему она осталась?

Она-то думала, что Цэнь Лубай считает ее настоящим членом семьи Цэнь и поэтому доверила ей представлять клан. Но...

Не успела она додумать мысль, как кто-то потянул ее за рукав:

— Невестка!

Голос звучал хрипло и безжизненно, как у человека, который только что проснулся.

Цзян Чжаосюэ обернулась. Перед ней стояла Цэнь Яо, выглядевшая еще более изможденной, чем вчера после медитации.

Она улыбнулась и тихо ответила:

— Доброе утро.

Цэнь Яо привычно пошла рядом:

— Доброе. Как же холодно! Это и есть утро в горах? Кажется, за двадцать с лишним лет я еще не мерзла так сильно.

Цзян Чжаосюэ лишь понимающе улыбнулась.

Цэнь Яо вздохнула:

— Хорошо, что сестра Лянь Синь оказалась такой доброй и согласилась пустить меня в свою кровать, иначе я бы здесь замерзла. От тебя исходит такое тепло.

У Цзян Чжаосюэ нехорошее предчувствие кольнуло сердце. И точно, Цэнь Яо тут же спросила:

— Как спалось, невестка?

Цзян Чжаосюэ невозмутимо прочистила горло и ответила как ни в чем не бывало:

— Очень хорошо.

— А сестра? Она проснулась?

— Проснулась, — честно ответила Цзян Чжаосюэ. — Кажется, у нее были дела, когда я встала, она уже не спала.

Цэнь Яо протянула короткое о, закусила губу, помолчала несколько секунд и перевела разговор на другую тему. Цзян Чжаосюэ не стала придавать этому значения.

Они вместе умылись, вернулись в комнату, оставили вещи и отправились в зал, где проходила утренняя служба.

В зале горел яркий свет, звучали мантры. Казалось, ночной мрак, разбавленный дымом благовоний, постепенно отступает, уступая место чистому рассвету.

В половине восьмого, позавтракав, Цзян Чжаосюэ и Цэнь Яо вернулись в келью. Цэнь Лубай уже встала и теперь безмятежно стояла у окна, любуясь снегом.

Сквозь заиндевевшее стекло их взгляды встретились. Цэнь Лубай мягко улыбнулась, в ее глазах читалась едва уловимая нежность.

Цэнь Яо вошла в комнату и с заботой спросила:

— Сестра, ты поела?

Цэнь Лубай обернулась:

— Да. Ван Пин принес постную еду для Лянь Синь. — Она помолчала и добавила: — Ван Пин — это тот водитель, который приезжал вчера.

Было очевидно, что она объясняет это для Цзян Чжаосюэ, которая не была знакома с персоналом.

Цзян Чжаосюэ заметила, что на ногах у нее новые черные ботинки на шнуровке — вероятно, их тоже привез Ван Пин.

Цэнь Лубай всегда была стройной и высокой, настоящая вешалка для одежды. Сегодня она была без пиджака, в пуховике, небрежно накинутом поверх изысканной рубашки. Брюки были слегка подвернуты, что делало ее ноги еще длиннее. Казалось бы, вчерашний образ был пропитан деловым стилем, но сегодня она выглядела иначе: благородно, но при этом непринужденно, с особым шармом.

Цзян Чжаосюэ задержала взгляд на пару секунд и поспешно отвела глаза.

Цэнь Яо спросила:

— Сестра, какие планы на день?

Цэнь Лубай ответила вопросом на вопрос:

— А у тебя?

— Никаких, свободное время до половины одиннадцатого, нужно будет вернуться к медитации. Я собираюсь поспать, — ответила Цэнь Яо и повернулась к Цзян Чжаосюэ: — А у невестки?

— Планов нет, может, погуляю по храму, — ответила та. Храм Чэньюань на горе Цинфэн был не только священным местом, но и древней обителью с тысячелетней историей, настоящей сокровищницей культурного наследия.

Хотя специализация Цзян Чжаосюэ касалась другого периода, любовь к истории была у нее в крови.

— Тогда я не смогу составить компанию, — с сожалением сказала Цэнь Яо, но тут же повернулась к Цэнь Лубай: — Сестра, а ты?

Цэнь Лубай посмотрела на Цзян Чжаосюэ:

— Я тоже планирую прогуляться.

Цзян Чжаосюэ замерла, но из вежливости пришлось предложить:

— Может, пойдем вместе?

Цэнь Лубай искренне улыбнулась.

Цэнь Яо подмигнула:

— Вот и отлично! И я смогу спокойно поспать, не буду мешать вам своим присутствием.

Цзян Чжаосюэ залилась краской, а Цэнь Лубай спокойно добавила:

— Если хочешь, будем только рады.

Цэнь Яо испуганно замахала руками, зевнула пару раз и поспешила ретироваться.

Цзян Чжаосюэ невольно рассмеялась, а Цэнь Лубай деликатно заметила:

— Если тебе неудобно, можешь пойти одна.

Цзян Чжаосюэ подняла глаза, пытаясь понять, вежливая ли это отговорка или искреннее предложение. В глазах Цэнь Лубай светилась ясная теплота.

Цзян Чжаосюэ успокоилась:

— Мне совсем не неудобно. Пойдем.

Улыбка Цэнь Лубай стала глубже:

— Хорошо... — она повернулась к кровати, быстро что-то взяла и вернулась обратно. В руках у нее были две пушистые меховые накладочки на уши. — Ван Пин купил, неплохая модель.

Цзян Чжаосюэ была приятно удивлена. Она ведь с самой ночи мысленно жаловалась, что уши вот-вот отвалятся от холода. Она не стала показывать свою радость слишком явно, вежливо взяла подарок обеими руками:

— Очень мило, спасибо.

Ей не терпелось надеть их прямо сейчас.

Цэнь Лубай смотрела на нее, в ее взгляде читалось легкое волнение, которое вскоре сменилось спокойствием.

Они вышли на улицу. Цзян Чжаосюэ наконец надела наушники, и они пошли плечом к плечу в сторону главного храма.

Туристов стало больше, и Цэнь Лубай незаметно переместилась так, чтобы идти с внешней стороны.

Атмосфера была немного скованной. Цзян Чжаосюэ уже собиралась заговорить, как вдруг услышала впереди разговор проходящей мимо пары.

Девушка спросила:

— Храм Чэньюань — это тот самый храм, где император подстригся в монахи?

Парень уверенно ответил:

— Нет, это храм Белой Лошади.

Цзян Чжаосюэ и Цэнь Лубай переглянулись и одновременно улыбнулись.

Цзян Чжаосюэ замедлила шаг и тихо прошептала:

— Это он, просто позже его переименовали.

Цэнь Лубай усмехнулась:

— Я знаю.

Атмосфера внезапно стала непринужденной. Они продолжили разговор, обсуждая историю, и Цзян Чжаосюэ с удивлением обнаружила, что познания Цэнь Лубай в области культуры гораздо глубже, чем она могла вообразить. Барельефы, надписи, архитектура, биографии монахов — Цэнь Лубай легко поддерживала беседу, оперируя фактами и цитатами.

Цзян Чжаосюэ редко доводилось так легко общаться с людьми не из своей сферы. Она расслабилась, сама не заметив, как начала говорить все более открыто.

— Мало кто знает такие детали. Ты специально изучаешь буддийскую культуру? — остановившись у барельефа, Цзян Чжаосюэ впервые позволила себе проявить лишнее любопытство.

Цэнь Лубай ответила уклончиво:

— Ты всегда думала, что книжная стена у нас дома — это просто декор?

Цзян Чжаосюэ смутилась.

У Цэнь Лубай дома действительно была огромная библиотека во всю стену длиной двенадцать метров. Цзян Чжаосюэ пользовалась этим кабинетом, но книги там делились на деловую литературу и гуманитарные науки. Многие редкие издания, которые Цзян Чжаосюэ искала в университетской библиотеке, были в коллекции Цэнь Лубай.

Она никогда не верила, что Цэнь Лубай действительно читает эти книги — ведь та постоянно была занята и редко бывала дома.

Цзян Чжаосюэ смущенно улыбнулась и перевела тему:

— Ты смотрела документальный фильм «Древний Ганьнань»? Там в серии про «Лотосовую сутру» упоминается этот храм. Если интересно, посмотри, очень глубокая и впечатляющая работа.

Говоря о том, что ее по-настоящему увлекает, она стала мягче, словно улитка, забывшая на миг о своем панцире.

Взгляд Цэнь Лубай потемнел:

— Из тех фильмов, которые хочется пересматривать?

Цзян Чжаосюэ кивнула:

— Я всегда мечтала увидеть это своими глазами.

Цэнь Лубай призналась:

— Я не смотрела, но мы с Цэнь Яо давно договаривались как-нибудь отправиться в автопутешествие по Ганьнаню на полмесяца.

Она небрежно предложила:

— Если хочешь, можем съездить вместе, когда будет удобно?

<http://bllate.org/book/18697/1807081>